

Театр Европы в Петербурге репетирует «Короля Лира». Герой Шекспира здесь не старик — зрелый человек, которого терзают основные вопросы бытия

ПАРАЛЛЕЛИ

Марина ТОКАРЕВА

Додин ставит «Лира». Как Лир в начале пьесы, Додин сейчас на вершине. Его королевство — Малый драматический — за двадцать один год, что он им правит, из театра Ленинградской области стало Театром Европы. «Дети» — несколько поколений учеников — выросли в мастеров. Сам он выиграл множество сражений, труднейшим из которых остается, риску предположить, вечно длящееся сражение с самим собой. С робостью, сомнениями, унынием, болезнями души и болезнями тела. Итог — сложившееся государство, называемое «Театр Додина».

«Лир» много лет числился «в планах». Его теснили Чехов, Платонов, на время отодвинула оборванная сейчас работа над «Мастером и Маргаритой».

Наконец, репетиции начались. Лир стал повседневной реальностью Малого драматического.

Властолюбивый и уязвимый. Искушенный и наивный. Подозрительный и терпимый. Агрессивный и ранимый. Эти качества Лира строят сюжет пьесы. Эти качества Додина строят жизнь театра. Но лишь отчасти. И себя, и артистов режиссер сумел подчинить главному — поискам художественной истины.

Те, кто работает с Додиным, даже в мыслях обращаются к нему на «Вы». Когда он входит в репетиционный зал, все встают. Но мировая звезда, Лев Додин, в полной мере сохранил человечность. Прижизненный классик, славящийся жесткостью и выносливостью, на премьере «Бесов» в Брауншвейге провел восемь часов, запершись в туалете, единственном месте, где можно было остаться одному...

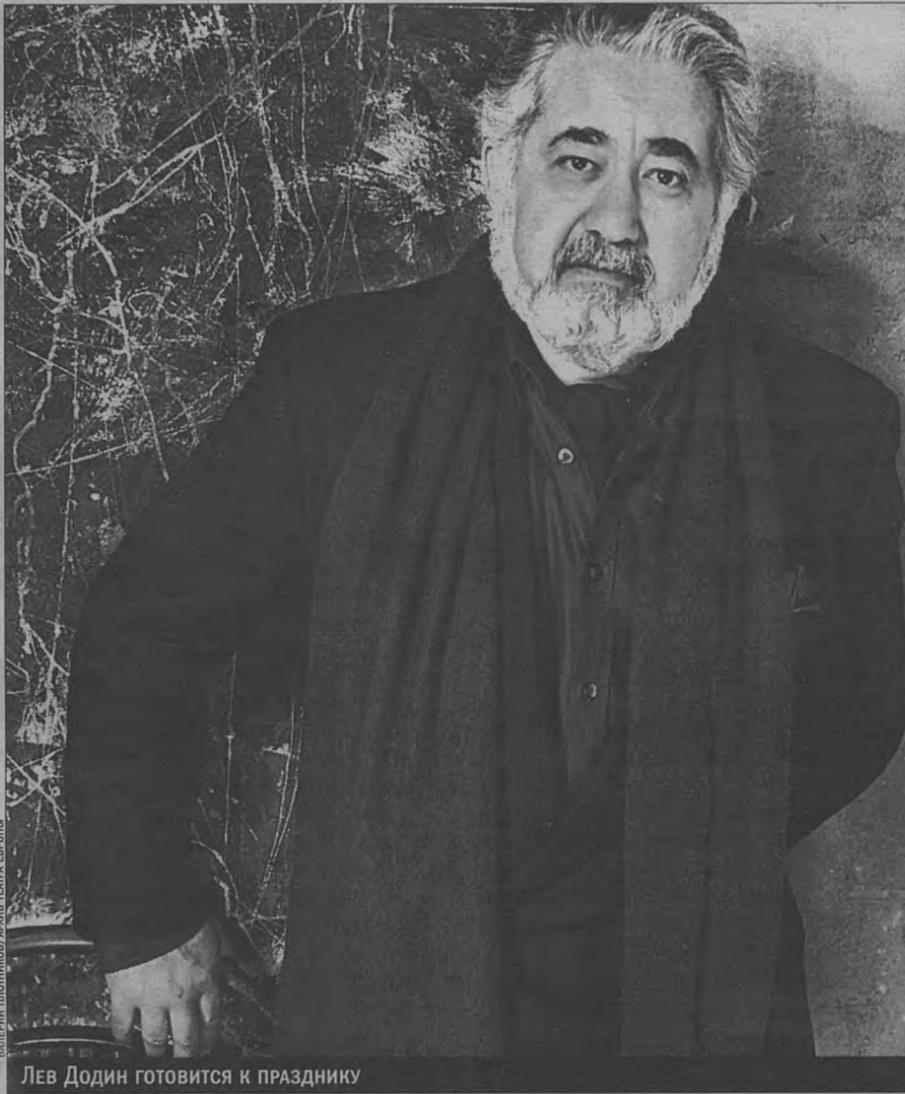
Лир — восемьдесят. Додину 14 мая исполняется шестьдесят. Шекспир, впрочем, обозначает не физический — духовный возраст, дает не сложившийся — меняющийся характер.

Лир — одинок.

— Только что в Сиракузах я видел, как Штайн репетировал спектакль. Античный амфитеатр на семь тысяч зрителей. На самом верху белеет фигурка режиссера. Актеры — на арене внизу. Он что-то им кричит, бежит вниз, возвращается вверх. Много раз повторяет этот путь. Один под дождем среди огромного, темнеющего, пустого амфитеатра... Поразительная иллюстрация жуткого режиссерского одиночества.

Лир ищет нового опыта.

— Меня — как и многих — мучит, что жизнь коротка, узка, одинакова. Театр дает возможность прожить ее по-разному — в репетиционных залах происходят са-

Лев Додин готовится к празднику

Лев и Лир

мые интересные ее мгновения. Есть экстремалы, которые катаются на океанских волнах, на сноубордах скачут с гор. Я этого ничего не умею, но репетиция — та же экстремальная ситуация, которая вырабатывает в тебе такой адреналин! Заставляет взлетать, прожить с азартом самозабвенные куски жизни. И мучиться, конечно же. Но в любви мы ведь тоже терзаем друг друга всякими способами. Иные из них доставляют радость...

Лир — изгой.

— Сегодня очень часто чувствуешь себя изгоем происходящего. Иногда газеты читаешь, как раньше читались детективы, — про какую-то другую реальность.

пани договариваемся: все пробуем всё! Это освобождает от ответственности и зажима, очень многое открывает.

К тому же в каждой хорошей пьесе отношения людей тонки и не измеряются общими представлениями. Важно точно ощутить соотношение персонажей в данной компании. Понять, кто по отношению к кому Лир, кто Эдмунд, кто Эдгар... И каждый раз это соотношение меняется. Иногда за одну репетицию выясняется больше, чем за год твоих собственных размышлений.

Лир — максималист.

— Театр — единственное, что мне интересно. Я думаю, это почти физиологи-

ние материала, а «материал» — само существование...

Лир стремится к пониманию.

— С годами все меньше интересуюсь итогами и все больше процессом. Все меньше нравятся собственные спектакли и все меньше хочется финала — дня премьеры. Когда то, чем ты жил месяцами, что давало тебе надежду, оказывается просто неким результатом, который кто-то считает не вполне состоятельным. Сейчас уже не главное — как, когда? Вообще не самое интересное.

Лир — над суетой.

— Это не актуальная пьеса. В любые времена она говорит о вечности в человеке и о человеке в вечности. Безграничность человека и ограни-

От спектакля остается только пережитое мгновение. Мгновение, когда нечто в нас помнило о Боге //

Весь ужас, который происходит в стране, отражается так пенно, так суетно и неадекватно, что, хотя и выглядит жизнью, к тебе, кажется, не имеет никакого отношения...

Лир всех заставил играть непривычные роли.

— Мы мало знаем о том, что могут артисты, что в их власти. И потому в своей ком-

пьющая потребность, своего рода жадность к жизни.

Но мы существуем в реальном пространстве, а с каждым днем все больше противостоит театру. Противостоит всем — цинизмом, экономическими сложностями. Жизнь вообще против искусства, против идеального начала, которое театр воплощает. Огромно сопротивле-

ние его, соединяясь, рождают трагедию. Недавно в Сиракузах мы оказались в крепости XIV века. Возникает театральное многоязычие, которое артистов превращает в орудия зрелища, текст делает ходульным, а спектакль, что называется, масштабным... Хорошо бы вышло масштабным по внутренней

Король Лир. Офорты XIX века

Лир и Корделия. Гравюра

Ф.Л.Горев. Король Лир. Малый театр. 1895 г.

Михоэлс — знаменитый Лир. Офорт. 1935

ДОСЬЕ

Историю Лира и его дочерей — одну из древних британских легенд — Шекспир переложил в 1608 году и в том же году пьеса впервые была поставлена в «Глобусе». С тех пор трагедия — одна из самых популярных пьес мира и по числу постановок может соперничать только с «Гамлетом». Самые знаменитые интерпретации «Лира» были осуществлены в прошлом веке. Среди лучших исполнителей главной роли — Михоэлс, Джон Гилгуд, Пол Скофилд, Лоуренс Оливье и Рамаз Чхиквадзе. При этом прославленный Питер Брук отметил, что путь к этой пьесе усеян телами неудачников. Диапазон трактовок — от классицизма до модерна. Стержень неизменен — глобальные вопросы бытия.

вается практически вечным: уродливая надпись надолго пережила своего «автора».

История Лира гораздо шире представлений о ней, она дает тебе осознать собственный опыт, помогает ему выжить, прорасти — с помощью Шекспира.

Лир — «чемпион» мировой сцены.

— В пьесе нет ни одного необходимого, неинтересного персонажа. Только главных героев, считал Шекспир, в ней пятеро: в одном из первых фолио пьеса называлась «Трагедия о короле Лире и трех его дочерях и горестная история Эдгара, сына Глостера».

«Лира» часто поднимают на котурны большого стиля. Используют стихии, гром и молнии, пиротехнику всякого рода. Возникает театральное многоязычие, которое артистов превращает в орудия зрелища, текст делает ходульным, а спектакль, что называется, масштабным...

Хорошо бы вышло масштабным по внутренней

жизни. От спектакля остается только пережитое мгновение — вами, мною. Больше ничего, но почему-то оно все-таки остается, не умирает — мгновение, когда нечто в нас помнило о Боге...

В Малом драматическом репетициями поглощены все. Репетируют с Додиным. И — для Додина: номера юбилейного капустника. Сегодня в театре праздник. А через две недели начинаются самые крупные за последнее десятилетие московские гастроли. Столице будут показаны семь спектаклей: от поставленных семнадцать лет назад «Братьев и сестер» до премьеры прошлого года «Дяди Вани».

Лир, как известно, идет против всех. Додин — против набирающих силу тенденций современной сцены. Он жив театром, но и театр жив им. Он сумел отстоять свой мир: «Наша профессия — это профессия идеалистов».

«Мы... переживем все лжеучения, всех великих мира, все смены их, прилив их и отлив», — говорит Лир. МН

Додин Лев Додин - режиссер (МДТ)
20.05.04

175